

Терпигорев Сергей Николаевич

Как мы ездили к бабушке говеть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Николаевич Т.**
Как мы ездили к бабушке говеть / Терпигорев Сергей Николаевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 37 с.

ISBN 978-5-519-76567-1

ISBN 978-5-519-76567-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КАКЪ МЫ ЪЗДИЛИ КЪ БАБУШКѢ ГОВѢТЬ.

БАБУШКА говѣла всегда на четвертой недѣлѣ великаго поста. Въ это же время прѣзжали и мы къ ней, т.-е. матушка, насъ двое—сестра и я—и наши гувернантки, нянька и горничныя. Бабушка жила недалеко отъ насъ; всего у ней было вдоволь, но мы все-таки прѣзжали «всѣмъ домомъ», т.-е. привозили съ собою и свои подушки, и пуховики, и матрасики, умывальникъ, чашечки, чайники. Съ нами прѣзжали двѣ нашихъ горничныхъ, нашъ лакей Никаноръ и все время, пока мы гостили у ней, жилъ съ четверкой лошадей и нашъ кучеръ Ефимъ. Обрато отпускали только подводы, на которыхъ привозили всѣ эти наши пуховики, подушки и проч. Вещи наши выѣзжали обыкновенно наканунѣ того дня, въ который мы

предполагали выѣхать, такъ что, когда мы бывало приѣзжали къ бабушкѣ, онѣ были уже тамъ, и всѣ наши эти пуховики и подушки были уже разложены по мѣстамъ, обогрѣты, покрыты чистымъ бѣльемъ—ложись на нихъ хоть сейчасъ.

Путешествію этому обыкновенно предшествовала всегда переписка: посылался или отъ насъ нарочный съ письмомъ отъ матушки, или бабушка, потерявъ терпѣніе, присылала своего нарочнаго и сама писала. Но чаще эта переписка начиналась матушкой—она писала первая:

«Безцѣнный другъ маменька!

Вотъ уже скоро двѣ недѣли, какъ мы не имѣемъ съ васъ никакого извѣстія. Боюсь за ваше здоровье и хотя Евпраша (матушкина двоюродная сестра) была у насъ и говорила, что васъ видала, но добавляла также, что вы все жалуетесь на головокруженіе, а это насъ очень беспокоитъ. Съ клюквеннымъ вареньемъ и морсомъ я ужъ упривилась: весьма отличный вышелъ морсъ, клюква была дешевая и очень хорошая. Вчера у насъ ловили карасей въ прудѣ. Мы всѣ ходили на ледъ смотрѣть, какъ ихъ ловятъ, и ваша любимица, шалунья Соня, никакъ не могла понять, какъ это такъ можно ловить рыбу подо льдомъ. Поймали однако воза два и попались все отличные караси.

На будущей недѣлѣ думаю говѣть съ дѣтьми. Хотѣлось бы опять побыть это время вмѣстѣ съ вами: у васъ такъ хорошо, никто ничѣмъ не беспокоитъ, да ужь и сама не знаю, удастся ли это мнѣ нонче. Да и то опять: сколько вамъ безпокойства. Боюсь, какъ бы дѣти своими шалостями и крикомъ не разстроили-бы еще больше вашего здоровья. Дайте, ангелъ маменька, вѣсточку о себѣ, чѣмъ успокоите всѣхъ насъ. Дѣти, мужъ и я цѣлуемъ ваши ручки. Карасей двадцать паръ при семъ посылаю—кушайте на здоровье».

На другой день къ вечеру посланный возвращался и привозилъ отвѣтъ отъ бабушки:

«Дорогой другъ мой Катенька!

Твой посланный Степанъ Ермиловъ доставилъ мнѣ твое письмо, которое меня очень обрадовало и—не скрою отъ тебя — и очень удивило. О какомъ это такомъ безпокойствѣ ты мнѣ пишешь? Развѣ дѣти твои — которыхъ, ты знаешь, какъ я люблю—могутъ меня обезпокоить? Ты, пожалуйста, выкинь это изъ головы и знай, что если ты хочешь меня когда обрадовать, то лучшей радости ты мнѣ не можешь доставить, какъ пріѣхавъ ко мнѣ погостить вмѣстѣ съ моими милыми Соней и Сережей. И никакихъ я твоихъ отговорокъ не приму — я такъ сказала и Степану Ермилову; на

будущей недѣлѣ въ понедѣльникъ пріѣзжай говѣть непременно и непременно съ дѣтьми. Здоровье мое, славу Богу, поправилось: головокруженіе почти совсѣмъ прошло, а какъ, Богъ дастъ, отговѣю и совсѣмъ пройдетъ. Что за прелесть карасей-то ты прислала! Это только у васъ у однихъ такіе и ловятся... Ну, прощай! Поцѣлуй за меня своего мужа, которому скажи, чтобы онъ тебя хорошенько пожурилъ за твое прошлое письмо ко мнѣ, — выдумала что: дѣти меня могутъ обезпокоить... Дѣточекъ перецѣлуй. Милымъ твоимъ гувернанткамъ Аннѣ Карловнѣ и m-lle Биберъ отъ меня поклонъ. Еще разъ прощай! Буду ждать съ нетерпѣніемъ».

На словахъ Степанъ Ермиловъ докладывалъ, что «матушка старая барыня изволили сами» къ нему выходить, спрашивали о дѣткахъ, приказали благодарить за карасей и изволили сказать, что будутъ ждать въ понедѣльникъ къ себѣ безпремѣнно...

— Надо ѣхать, нечего дѣлать, — говоритъ матушка.

— Конечно, поѣзжай, — зачѣмъ же ее обижать? Да ты что ей писала? — спрашиваетъ отецъ.

— Да ничего. Ну, вотъ, что боюсь, не будутъ ли ее дѣти безпокоить.

— Поѣзжай, — повторяетъ отецъ.

И вотъ начинаются сборы. Утромъ на другой день матушка приступаетъ къ сборамъ.

— Устинья!—зоветъ она нашу няньку, когда еще мы всѣ сидимъ за утреннимъ чаемъ въ столовой вокругъ большого круглаго стола, уставленнаго корзиночками и булками, крендельками, чашками, молочниками и проч.

Входитъ нянька.

— Изволили звать, сударыня?

— Да, Устинья. Вотъ видишь, Марья Дмитріевна зоветъ къ себѣ говѣть насъ всѣхъ.

— Что-жъ, сударыня! Доброе дѣло...

— Такъ вотъ укладываться надо.

— Ну, что-жъ.

— А что мы возьмемъ съ собою?

— Да что, сударыня, брали въ прошломъ году, то и нынче возьмемъ.

— Подводы завтра отправимъ, а сами въ понедѣльникъ поѣдемъ.

— Ну, чтожъ.

— Къ завтраму-то ты успѣешь уложиться?

— Успѣю-съ; отчего же не успѣть. Двѣ подводы-то поѣдутъ, сударыня?

— Двѣ. Въ прошломъ году двѣ ходили?

— Двѣ-съ.

— Ну, и въ нынѣшнемъ—двѣ.

— А сколько изволите прогостить?

— Да вотъ ужъ не знаю... Говѣтъ будемъ...

— Недѣли на полторы значить?

— Да. Я думаю такъ.

— А какъ вдругъ да новая вода насъ застанетъ? Изволите помнить—въ третьемъ-то году...

— Да вѣдь тогда четвертая-то недѣля когда приходилась? Тогда святая-то вѣдь поздняя была, а нынче...

— Мѣсто вѣдь будетъ, сударыня; не пролежить, если и зимнее что возьмемъ. Не понадобится, назадъ все равно привеземъ.

— Это-то такъ.

— Я по дюжинкѣ, сударыня, всего возьму,—говорить нянька.

— Да ужъ по дюжинкѣ-то непременно надо,—соглашается съ ней матушка.

— А то по полторы,—опять говоритъ нянька,—не пролежить вѣдь.

— Это такъ. Возьми по полторы...

И идутъ эти разговоры цѣлый день: въ нашихъ дѣтскихъ, въ матушкиной спальней и въ комнатахъ у гувернантокъ. Всѣ комоды открыты. На столахъ, на диванахъ, вездѣ разложено бѣлье, платья. На полу, посреди комнатъ стоятъ открытые сундуки, чемоданы, и въ нихъ все уклады-

вають, считаютъ, сколько берутъ съ собою, сколько чего остается... Всѣ ходять съ озабоченными ли-

Нянька несетъ саквояжи...

цами, спрашиваютъ другъ друга; всѣ говорятъ, что они устали. Больше другихъ хлопочетъ нянька, носить съ угла въ уголь саквояжи, платки и т. п.

— Ахъ, Ты, Господи! а теплый платокъ барышни я никакъ забыла, не уложила,—говорить нянька.

Роется опять въ чемоданахъ, находитъ его, успокаивается и говоритъ:

— Нѣтъ, здѣсь... Напрасно только перерыли все, опять надо укладывать.

Гувернантка тоже занята — укладывается; ей ужъ не до насъ. Мы не учимся въ эти дни и ходимъ изъ комнаты въ комнату, смотримъ, разспрашиваемъ: это что, это на что? Всѣмъ мы мѣшаемъ, надоедаемъ.

— А вы бы, батюшка, лучше взяли бы книжку какую, да почитали ее,—говорить нянька, которой мы мѣшаемъ больше всѣхъ.

Матушка слышитъ это, соглашается съ нянькинымъ предложеніемъ и зоветъ гувернантку:

— Анна Карловна, Анна Карловна!

Приходитъ изъ своей комнаты Анна Карловна. На рукахъ у нея наложена цѣлая груда какого-то сложеннаго чистаго бѣлья.

— Катерина Петровна, вы меня звали?

— Ахъ, да,—вспоминаетъ матушка, успѣвшая было ужъ позабыть, зачѣмъ она ее звала,—посадите ихъ у себя читать что-нибудь... мѣшаютъ только...

— Kinder!—говоритъ Анна Карловна.

— Мама, мы не будемъ мѣшать, — говоримъ мы. — Мы будемъ только смотрѣть...

Но Анна Карловна повторяетъ свое: «Kinder»! и уводитъ насъ съ собою. Мнѣ даетъ она одну книжку, сестрѣ другую.

— Вотъ читайте... тутъ... это очень хорошенькая исторія, — говоритъ она мнѣ, — какъ у одного мальчика были собачки... А вы вотъ это прочитайте: у одной дѣвочки были кошечки...

Но мы и про эту собачку и про эту кошечку ужь давнымъ-давно все знаемъ, книжки эти читали и потому онѣ насъ нисколько не интересуютъ. Мы сидимъ, перелистываемъ книжки, а сами смотримъ — какъ она вынимаетъ изъ комодовъ свои вещи, пересматриваетъ ихъ, какія кладетъ опять въ комодъ, какія на диванъ или на кресло, и потомъ беретъ ихъ оттуда и укладываетъ въ чемоданъ.

— Анна Карловна! Какая это у васъ коробочка? — спрашиваю я.

— Которая? — говоритъ она, забывъ, что усадила насъ за книжки.

— А вотъ эта.

— Какая? эта, что-ли?

— Да.

— Это ваша тетя мнѣ подарила.

— Что у васъ въ ней?

— Разныя вещи, — отвѣчаетъ она, — иголки, нитки...

— Вы ее съ собой возьмете?

— Непремѣнно...

— А вотъ въ этой что? — опять спрашиваю я или сестра.

— Тоже разныя вещи.

— Иголки?

— Ножницы, наперстокъ...

— А въ этой вотъ? съ картинкой?..

— Тутъ почтовая бумага, перья...

— И ее вы возьмете?

— И ее.

Мало-по-малу и Анна Карловна забываетъ о насъ, забываетъ, что она усадила насъ за книжки. Мы опять ходимъ, разсматриваемъ, сперва у нея въ конторкѣ, потомъ идемъ и пробираемся дальше, въ другія комнаты, и опять очутимся въ дѣтской или у матушки въ спальнѣ. Вначалѣ мы только ходимъ и смотримъ, не пристаемъ, не мѣшаемъ, «не подвертываемся». Но вотъ матушка пошла куда-то и кто-то изъ насъ ей подвернулся.

— А ужъ вы опять тутъ? — говоритъ она. — Ахъ, Ты, Господи! И чего это только Анна Карловна смотреть?